

А.В. КУЛАГИНА,
В.А. КОВПИК
(Москва)

НОВЫЙ ТРУД О СКОМОРОХАХ

Рецензия на: Власова З.И. *Скоморохи и фольклор*. — СПб.: «Алетейя», 2001. — 524 с.

Последние полтора-два десятилетия в истории отечественной фольклористики отмечены «всплеском» интереса исследователей к скоморохам и скоморошеству. Проводятся конференции, посвященные их изучению; выпускаются сборники статей и материалов [Скоморохи 1994; Скоморошина 1997]; переиздаются классические работы по этой тематике [Фаминцын 1995]; вышел библиографический указатель работ о скоморохах [Кошелев 1994а]. Заявлено даже о возникновении новой отрасли знания — «скомороховедение» (во вступлении к сборнику [Скоморохи 1994]). Также большое внимание исследователи уделяют народной игровой и праздничной культуре вообще (в первую очередь следует упомянуть диссертации Л.М. Ивлевой и И.А. Морозова — см. книги, созданные на их основе [Ивлева 1998; Морозов 1998]); из последних новинок можно назвать книгу — А.В. Грунтового [Грунтовский 2002].

Одним из ведущих исследователей скоморошьего наследия в фольклоре по праву следует признать петербургского фольклориста З.И. Власову, выпустившую начиная с 1982 г. ряд статей, посвященных частным и общим вопросам изучения творчества скоморохов. Итогом переработки и объединения этих статей стала книга «Скоморохи и фольклор» — первый крупный современный труд о скоморохах.

Составитель библиографического указателя работ о скоморохах В.В. Кошелев выделил следующие аспекты изучения скоморошества: а) происхождение скоморошества; б) история скоморошества; в) социальный статус скоморошества; г) скоморох как историческая личность; д) творчество скоморохов; е) место скоморошества в истории русской куль-

туры; ж) историография скоморошества; з) иконография скоморошества [Кошелев 1994, 21—23]. Легко заметить, что почти все эти аспекты (кроме «д») имеют культурологический или исторический характер, как и большая часть публикаций, вошедших в указатель. Исследователи видели в произведениях фольклора лишь источник для изучения скоморошества как явления древнерусской культуры. В свете такого очевидного дефицита работ о творчестве скоморохов одним из неоспоримых достоинств рецензируемой книги является то, что в ней основное внимание уделяется филологическому изучению фольклорных текстов (конечно, при этом З.И. Власова не упускает из виду и других аспектов, без изучения которых выводы о скоморошьем репертуаре были бы малодостоверными).

В предисловии книги кратко излагается история скоморошества на Руси, борьбы с ним государства и церкви. Исследовательница пишет о трудности выявления критериев скоморошьего наследия в фольклоре и восстановления репертуара, а задачу книги определяет как поиск следов влияния скоморохов в различных жанрах фольклора. Эта задача и решается в трех основных главах книги: «Скоморохи и обряд», «Скоморохи и [песенный] эпос», «Скоморохи в песнях и сказках».

При изучении скоморошьего вклада в обрядовый фольклор З.И. Власова опирается на гипотезу ученых XIX в. о преемственности скоморохов по отношению к языческому жрецу после принятия христианства (исследовательница приводит суждения об этом А.Н. Веселовского, А.П. Пономарева, И.Ф. Баршевского и др.), поддержанную учеными и в советское время (А.А. Морозовым, А.А. Белкиным, А.М. Панченко и др.). В календарном обрядовом фольклоре следы скоморошьего творчества наиболее ярко выражены в песнях и обрядах обхода дворов; исследовательница приводит много историко-этнографических свидетельств того, что эти обряды совершались профессиональными «обходчиками» — колядовщиками, волочениками и пр., «артелью» которых по своему устройству соответствовали скоморошьям ватагам. Скомороший «след» З.И. Власова видит в рженье, в ряде игр и народных драматических действий (например, вхождение «быка», «козья», «скобыль» или игра «в покойника»),

исполнение которых зачастую было приурочено к тому или иному календарному празднику.

Исследовательница убедительно показывает влияние скоморохов и на свадебный обряд. Особенно отчетливо оно заметно в таких жанрах, как приговоры дружки, корильные песни, а также в действах и текстах, сопровождавших «фарсовую» часть свадьбы (в противоположность «лирико-драматической») [с. 96], — раженые и шуточных сценках второго дня свадьбы, «дерзких» свадебных указах, пародийных росписях о приданом, выходах с «конем», «крюком», «мячом» или «слочкой» (олицетворение мужского и женского начал). «Поколения русских скоморохов были создателями самых поэтических сторон обрядового комплекса русской свадьбы», — делает вывод З.И. Власова [с. 126]. Вместе с тем справедливым можно считать и другое мнение автора книги: «Определить весь диапазон влияния и участия скоморохов в старинном свадебном обряде из-за недостатка материала невозможно» [с. 126]. Многие поэтические формулы являлись достоянием общефольклорной традиции, художественным языком которой скоморохи, несомненно, владели.

Вторая глава — «Скоморохи и эпос» — начинается подробным рассмотрением исторических свидетельств о том, что профессиональные певцы-скоморохи были основными носителями песенной эпической традиции в Древней Руси и внесли значительный вклад в создание многих эпических песен, такого же мнения придерживались и многие собиратели и исследователи фольклора (В.Ф. Миллер, А.С. Фаминцын, А.Д. Григорьев, А.А. Морозов и др.). З.И. Власова разбирает типы древних эпических певцов и указывает на их несомненную связь со среднесекскими русскими скоморохами. Далее в главе проводится подробный анализ многих былин киевского и новгородского циклов, выявляющий следы того, что скоморохи были если не слагателями, то по крайней мере долгое время хранителями и исполнителями этих песен. В первую очередь к таким «следам» принадлежат запевы с обращением к слушателю, зачинательные формулы (типа «Кабы всем нам, молодцам, на послуханье, // Кабы старым старухам да на долгий век» [с. 133]); шуточные концовки былин (иногда с сатирическим описанием городов и сел русской земли, которая перед этим восхвалялась в основной, героической, части былинки, как, например, в былинке «Василий Игнатьевич и Батыга»); иронические формулы (например, «Здравствуй, женивши, да не с кем спать» в былинке о Добрыне и Алеше); пародийное снижение образа богатыря (например, комичен, по мнению исследовательницы, влюбленный богатырь Добрыня в «Добрыне и Маринке»); юмористическая трактовка эпизодов («серьезных»

былин (например, описание обжорства Идолыча как основного проявления богатейства). Существенное внимание З.И. Власова уделяет многочисленным случаям, когда в былинах отмечается стремление «прямо нарядить» богатырей «в скоморошье платье» (выражение А.А. Морозова [с. 139]), — как скоморохи в былинах выступают Добрыня, Ставр, Садко, Соловей, Чурила — что, по мнению исследовательницы, также говорит об авторстве скоморохов. Хотя З.И. Власова делает оговорку об отборе эпического материала, можно видеть, что в ее работе охвачены практически все циклы (киевский, новгородский, а также московский). Несомненный интерес вызывает скупленный текстологический и источниковедческий анализ московского цикла, при котором достаточно широко анализируется историко-культурный контекст эпохи Ивана Грозного. Особенно тщательно рассмотрены «скоморошье старинье» (по выражению А.Д. Григорьева) — «Тертий-гость», «Кострюк», «Старина о большом быке». На примере «Стариня о большом быке» — произведения, «которое нельзя понять без выявления исторических напластований» [с. 274], З.И. Власова убедительно показала, что «элементы сюжета, этнографические, исторические и фольклорно-традиционные в своих истоках, оказались творчески и с большим мастерством сплетены в единое произведение с конкретными чертами нравов и быта эпохи, отразившихся в былинке в наиболее существенных для ее слагателей чертах» [с. 297]. Уникальна былина «Вавило и скоморохи», в которой последние выступают как святые люди; несомненно, это отголосок самозащиты скоморохов от гонений со стороны церкви и государства. Эти произведения, как справедливо полагает исследовательница, хранят наиболее яркие черты скоморошья авторства.

Последняя глава посвящена рассмотрению роли скоморохов в песнях и сказках. Раздел «Скоморохи и песни» основан на богатейшем материале, к которому автор книги обращается, во-первых, с целью выявить, как в песнях отражается образ скомороха, и, во-вторых, чтобы установить возможное авторство скоморохов в тех или иных случаях. З.И. Власовой удается убедительно показать, что «народ в песне сохранил память о скоморохах, их выступлениях, различных действиях на игрищах, городских площадях, направленных на организацию игры, веселья, пляски» [с. 329]. Достаточно доказателен анализ удалых песен («Усь», «Поп Емеля» и пр.), особенно в сопоставлении их с древнерусскими сатирическими повестями, а также игровых припевов, в которых часто героем выступает скоморох или молодец с гуслим, гудком и пр. Отдельно рассмотрена сфера «бытового глума» и насмешек, которые возводятся автором к скоморошья традиции. Много свидетельств скоморошья влияния исследователь-

ница находит в сказках, которые также составляли важную часть скоморошского репертуара. Это и юмористические сказочные формулы, и случаи изображения скоморохов в сказке (например, в известной финальной формуле сказок с синим коллаком и расказчиком, которого вытalkingают вон — совсем как гонимого скомороха).

Особый интерес вызывает последний раздел книги — анализ сатирического произведения «Ерш Ершович». З.И. Власова прослеживает генетические истоки сюжета о «Ерше Ершовиче» и подчеркивает особенности его исторического развития как сложного взаимодействия двух разножанровых текстов, объединенных образом центрального персонажа и скоморошеской стилистикой: «Повести о Ерше Ершове сыне Щетиннике и ябеднике» — пародия на древнерусское судебное делопроизводство — и прибаутки о ловле, приготовлении и съедении ерша, часто служившей завершением «Повести». Новая интерпретация текста вносит существенный вклад в изучение актуальной в наши дни проблемы взаимоотношения письменных и устных форм культуры.

Помимо несомненных достоинств книги З.И. Власовой необходимо отметить и ее уязвимые стороны, которые могут вызвать возражения фольклористов. Они связаны с тем, что автор идет по пути максимально широкого охвата фольклорных произведений разных жанров, в которых любое упоминание игр и плясок, гудка или дудки относит к скоморошему следу. Да и само слово «скоморох» (даже если оно выступает в роли синонима слов «весельчак» или «музыкант») служит обоснованием для соответствующей интерпретации, не всегда уместной. Но, может быть, в этом кроется своя правда: прежде чем выработать научные «критерии для выявления скоморошеских традиций» [с. 9], необходимо максимально полно учесть материал (пусть даже и с «перебором») и обстоятельно его изучить. Иногда у автора проскальзывает противопоставление скоморохов — творцов произведений фольклора — основной массе народа, которой отводится роль слушателей, воспринимающей стороны. Однако более значимая роль профессиональных сочинителей и исполнителей характерна скорее для современного состояния культуры и искусства, а не для древнерусского общества. Кроме того, даже если согласиться с тем, что творчество и в это время было преимущественно профессиональным (среди профессионалов, кстати, будут еще творцы помимо скоморохов — «калики перехожие», сказители, знахари и колдуны), то в силу традиционного характера искусства скоморохов основной в их творчестве была фольклорная импровизация в рамках общерусской традиции (иначе и быть не могло, так как в противном случае их искусство не нашло бы отклика

у народа). Мысль З.И. Власовой о том, что с уходом скоморохов завершилась «плодотворная жизнь основных устно-поэтических жанров» (эпоса, обрядовой и необрядовой лирики) [с. 487—488], представляется не столь однозначной, как полагает автор книги. Скорее всего, этот процесс был обусловлен рядом внутренних и внешних взаимосвязанных тенденций, которые должны тоже учитываться.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга «Скоморохи и фольклор» знаменует собой новый важный этап в «скомороховедении». Основанная на тщательном и многостороннем изучении роли скоморохов в развитии системы фольклорных жанров, она уточняет современные представления об их эволюции и причинах регрессии. З.И. Власова сумела использовать обширный фольклорно-этнографический и исторический материал, привлечь многочисленные работы, связанные со скоморошеством, в том числе ныне забытые или малоизвестные. Все это позволило реконструировать образы скоморохов, по достоинству оценить их вклад в русскую национальную культуру. И даже если многие вопросы не решены или решены лишь гипотетически, автор открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения этой сложнейшей, но увлекательной темы в ее безграничном «поэтическом многоцветье, мелодическом богатстве, разнообразии актерских приемов и пляски» [с. 488].

Литература

Грунтовский 2002 — Грунтовский А.В. Потехи страшные и смешные: Книга о фольклорном театре, скоморохах, ряженных и кулачных боях. СПб., 2002.

Ивлева 1998 — Ивлева Л.М. Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. СПб., 1998.

Кошелев 1994 — Кошелев В.В. Проблема скоморошества в истории науки: 1854 — 1994 гг. // Скоморохи: Проблемы и перспективы изучения. СПб., 1994. С. 10—36.

Кошелев 1994а — Кошелев В.В. Скоморохи: Аннотированный библиографический указатель за 1790 — 1994 гг. СПб., 1994.

Морозов 1998 — Морозов И.А. «Женитьба доброй молодца»: Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» / «женитьбы». М., 1998.

Скоморохи 1994 — Скоморохи: Проблемы и перспективы изучения: К 140-летию со дня выхода первой работы о скоморохах. СПб., 1994.

Скоморошина 1997 — Скоморошина: Мат. IV региональной науч.-практ. конф. «Вятский фольклор: Традиции и современное бытование народного юмора и сатиры». Киров, 1997.

Фаминцын 1995 — Фаминцын А.С. Скоморохи на Руси. СПб., 1995 (перизд. 1889 г.).